

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ

11' 1990

ISSN 0132-1943

МУРЗИЛКА

НОВЫЙ МОСТИК над старой рекой

Потягиваясь, Матей вышел во двор, бросил курам горсть зерна. Это они его разбудили сегодня своим дурацким квохтаньем. За плетнём, во дворе соседа, появилась Шляпа.

— Доброе утро! — сказал Шляпе Матей. Никакого ответа не последовало.

На другой день Матей проснулся, вышел во двор, и опять на ту же шляпу наткнулись его глаза.

— Доброе утро, сосед!

Шляпа молчала. Крошка Матей не стерпел.

— Кум, ты за что на меня рассердился? Чего не отвечаешь?

Сосед его, крошка Иустин, оглянулся и сказал тихонько:

— Да нет, не рассердился... Я оглох... на левое ухо.

— Что ж, мне теперь дом переносить? На сторону другого уха?

— Зачем переносить? Переносить, пожалуй, не надо. Ты просто снимай шляпу, когда говоришь доброе утро, я увижу и тебе отвечу.

С тех пор каждое утро Матей снимал шляпу. Ту самую шляпу, которая даже при короле не поднималась с его головы.

А с другой стороны дома крошки Иустина был дом крошки Луки. Луке Иустин сказал, что оглох на правое ухо. Так получилось, что и Лука снимал шляпу, когда приветствовал Иустина.

— Что же это получается, кум? — спросил его Матей. — Ты что, на оба уха оглох?

— Обычно на одно. Но временами бывает, и на оба. Но я не расстраиваюсь: вся сила у меня тогда в глаза переходит! Вижу даже в темноте! Можешь снимать шляпу и в сумерках, я не обижусь, всё увижу.

Прошло несколько дней, а воды много утекло. Иустин возгордился. При случае говорил жене:

— Видишь, оба соседа шляпы передо мной снимают.

Вот однажды шёл Матей с приятелем по улице, а навстречу Иустин.

— Сними шляпу,— сказал другу Матей,— а то этот глухой пень ничего не слышит.

— Кто глухой пень? — рассердился Иустин.

— Погоди, ты сам мне сказал, что оглох.

— Когда надо, я слышу, не беспокойся!

— Что ж ты? Меня обманул?

— Да тебя и дурак обманет! Скажи, зачем ты держишь кошку? Уж я-то знаю, сам сидишь на чердаке и ловишь вместо неё мышей! У тебя курица из двенадцати яиц трёх цыплят выводит! Спасибо, что мой петух через забор пе-

релетает, твой-то только кукарекает, точь-в-точь как его хозяин! И ты хочешь, чтобы я перед тобой шляпу снимал?!

Матей, конечно, от стыда чуть сквозь землю не провалился. Так опозорить его! При народе!

— Спасибо, кум! — только и сказал.

— Пожалуйста! С сегодняшнего дня запрещаю тебе снимать передо мной шляпу! Если б под нею была другая голова — ладно! А твою видеть больше не хочу. Сиди на чердаке. Лови мышей!

К вечеру поссорились и их жёны.

— Чем жить с глухим, лучше повеситься! — кричала через забор жена Матая. — А ещё кого-то строит из себя.

Ходят соседи, друг на друга очень сердитые. Даже воду перестали брать из одного колодца.

Но и этого им казалось мало. Иустин однажды сказал, что не хочет под тем же дождём мокнуть, что Матая поливает. Лучше он крышу над своим двором построит, а на огород воду из речки ведром будет таскать. И даже под тем же снегом ходить не будет! Лучше всю зиму на печке просидит, но не выйдет под те снежинки, на которые кашляет Матей.

Вот такие дела. Кто только не пробовал их помирить! Ничего не получалось.

Сами соседи друг друга за две версты обходили. А надо сказать, что за околицей их села протекала речка.

«Не дай бог встретиться на мостике!» — думал иногда Матей.

— Сброшу его в воду, как щенка! — грозился кулаком Иустин.

Многие, конечно, знают закон: чего боишься, того не миновать.

Вот однажды Матей шёл через речку с мешком шерсти, а Иустин с другой стороны в гости к брату направлялся.

И очутились они на том самом мостике. Что делать? Не поворачивать же обратно.

То ли мешок с шерстью был очень тяжёлый, то ли досада их весила больше десяти мешков, а может быть, просто доска отжила свой век... только вдруг «пррр!» — мостик сломался и — бух! — оба в воду!

А река-то была горной, вода бурлила и пенилась. Да и глубина большая.

Матей плавать не умел, но шерсть ни за что не хотел терять и держался за мешок! А когда шерсть намокла и стала тяжелее, мешок быстро пошёл на дно. Мелькнули на поверхности пятки — только и видели Матая.

Иустин упал в воду с пустыми руками. И он, конечно, нахлебался воды, а потом вспомнил, что не один был на мостике. Проплыл туда, сюда. Вдруг видит, из воды две пятки торчат. Схватился он за пятки, к берегу потащил. Тянул, пока голова не появилась.

— Неужто это ты? — Иустин говорит, а сам волочёт соседа на берег. Даже мешок с шерстью помог вытащить.

А что они сделали дальше, я думаю, вы сами догадаетесь. Разделись оба и выжали одежду.

— Слушай, ну и тяжёлый же у тебя мешок! — сказал Иустин.

Тут они стали воду из шерсти выжимать — иначе её до дома не донести было. Выжимали-выжимали, посмотрели друг на друга и прыснули от смеха.

— Так ведь можно и концы отдать, — сказал Матей, прыгая на одной ноге. Это он воду из уха выливал.

— А я тебе что говорил? Снимай шляпу, пока я жив. Есть перед кем!

Весь следующий день они таскали к реке доски, а к вечеру, как ни странно, построили новый мостик.

Перевёл с молдавского Юрий КОВАЛЬ

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Игорь МАЗНИН

НОЯБРЬ

Всё быстрее облетают клёны,
Всё темнее низкий свод небес,
Всё виднее, как пустеют кроны,
Всё слышнее, как немеет лес,

И всё чаще прячется во мгле
Солнце,
охладевшее к земле...

Анатолий КАМИНЧУК

ОСЕННИЙ РАЗГОВОР

Говорила калина калине:
— Отчего ты, подружка, в кручине,
Отчего такой пасмурный вид,
Что за боль
твоё сердце
щемит!...

Отвечала калине калина:
— Оттого меня гложет кручина,
Что уже на пороге зима,
Что уже на подходе метели,
Ведь недаром — подумай сама! —
Наши ветки
вчера
облетели!..

Перевёл с украинского
Игорь МАЗНИН

Рис. В. ДУГИНА

Вавилонская башня

И ДРУГИЕ ДРЕВНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Под общей редакцией Корнея ЧУКОВСКОГО

БЛУДНЫЙ СЫН

Было у человека два сына. Старший — спокойный да хозяйственный, работает в поле, отцу помогает. А младшему всё не сидится дома, хочется дальние страны посмотреть. И говорит он отцу:

— Вы тут с братом хозяйничайте, а мне дайте мою долю наследства. Я пойду путешествовать.

Отец уговаривает его:

— Ну куда же ты пойдёшь? Ты молод ещё, людей не знаешь, никакому делу не обучен. Пропадёшь!

А сын не отступается. «Пусти да пусти».

Отец видит — делать нечего, выделил младшему сыну его долю и отпустил.

У младшего сына сборы недолгие: купил себе вороного коня, седло, рубаху шёлковую и шапку новую, богатую, расшитую золотом. Оставшиеся деньги завязал в платок, платок положил за пазуху, сел на коня — и поехал.

Долго ли ехал он, скоро ли, а занесло его на чужую сторону, в большой город. Дома каменные, высокие, народу много, все спешат. Весело!

Навстречу ему идёт прохожий. Он его и спрашивает:

— Скажи, добрый человек, где тут можно ночлег найти?

А прохожий ему:

— Много ли у тебя денег?

Тот вынул из-за пазухи платок, развернул его и показывает прохожему.

— Вот сколько, гляди!

У прохожего глаза разгорелись.

— Да ты, оказывается, богач! Я тут знаю один дом. Это самый хороший постоялый двор в городе. Туда и пойдём.

Пришли на постоялый двор. Младший сын спросил себе лучшую комнату, а коня велел накормить отборным овсом. А на дворе уже народ толпится. Прослышали, что богач к ним в город пожаловал, и хотят на него посмотреть. Видят, что молод и прост, и говорят ему:

— У нас, брат, здесь такой обычай, чтобы самый богатый всех поил-кормил.

А ему и лестно, что его за самого богатого считают.

— Что ж, — говорит, — это хороший обычай. У нас дома тоже всегда много народу за стол садится.

И всех приглашает к обеду.

Все пируют, веселятся, хвалят своего нового друга: он и краше всех, и умнее всех, и поёт лучше всех, и пляшет! А тот уши развесил и рад. Каждому слову верит.

И пошла у него с той поры развесёлая жизнь. Что ни день — пир горою. Днём

